

Генри Лайон
ОЛДИ

ШУТИХА

ФАНТАСМАГОРИЯ

Чистая фэнтэзи

Генри Олди

Шутиха

«Автор»

2002

Олди Г. Л.

Шутиха / Г. Л. Олди — «Автор», 2002 — (Чистая фэнтези)

ISBN 978-5-699-21129-6

Вам никогда не хотелось завести шута? Обратиться в ЧП «Шутиха», что на ул. Гороховой, 13, пройти странные тесты, подписать удивительный контракт – и привести домой не клоуна, не комика эстрадного, не записного балагура, а самого настоящего шута? Странного, взбалмошного, непредсказуемого – и отнюдь не смешного для ваших друзей и родственников. Глупости, говорите? Шутовство. Нелепица. А увидеть гладиаторские бои адвокатов, познакомиться с джинном из пожарной инспекции, присутствовать при налете стрельцов на типографию, встретить у подъезда тощую старуху Кварензиму – тоже не хотелось бы?

ISBN 978-5-699-21129-6

© Олди Г. Л., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Генри Лайон Олди

Шутиха

*Безмятежен, безнадежен,
Безответен, наг и сир,
Рыжий клоун на манеже
Молит: «Господи, спаси!»
Тот не хочет.
Зал хохочет...*

Ниру Бобовай

Часть I

В предчувствии шута

Глава первая

«Мам, ты оплатишь побои?..»

Лето топтало город босыми пятками, приплясывая и хохоча.

Жаркое, как разврат в сауне, влажное, как рукопожатие склочника, противное на ощупь, словно пирожок с повидлом, купленный на углу у ведьмастой карги в сарафане, лето гуляло напрапалую. Без зазрения совести щупало голых девок, чьи бесстыжие пупки и коленки в эдакое пекло оставляли равнодушными даже выпускников кулинарного лица «Фондю», одуревших от буйства гормонов, подсаживалось в машины к пожизненно умученным предпринимателям, выжигая салон насквозь и с размаху ударяя по лысынам чугуновой сковородой, целовало собак в косматые морды, иссушая вываленную мякоть языков; и вид рекламы спрайта с дзенским слоганом «Не дай себе засохнуть!» приводил окружающих в неистовство, сравнимое лишь с малайским амоком.

Ах, лето красное, убил бы я тебя, когда б не связь времен да Уголовный кодекс! Пришепетывание тугих шин на плавящемся от страсти асфальте! Пятна пота на футболках и блузках, подобные карте Вышнего Волочка! Венчики спутниковых антенн на крышах жадно открылись навстречу раскаленному добела небу, где шалун Вседержитель, сменив ориентацию, с вилами наперевес кочегарит адскую топку солнца: ужо вам, сапиенсы! ужо-о-о!.. «Жо-о-о!» – эхом отзываются пенсионеры, бессмертные, словно французские академики, костеря климат, инфляцию ледников и происки международных олигархов. Голые по пояс черти-ремонтники счастливо ныряют в разверстый зев канализации: там тень, там прохлада, и если рай не под землей, то где? И с завистью следит за чертями окрестная пацанва.

Впрочем, мы собирались начинать наш рассказ совсем иначе.

Кто первый спросил: «мы»? Какие такие «мы»? Ну, братцы... Стыдно. Честное слово, стыдно. Все-таки не со вчера знакомы. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй» читали? Это мы. А это: «Лонгрэн, матрос «Ориона», крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери...»? Тоже наше. И еще это: «Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе по прозвищу Сизый Нос...» Вспомнили?

Нет?!

Ясно. Босаяцкое детство, академий не кончали, училка по лит-ре – дура дурой, с морским узлом на затылке. Пробуем еще раз. Значит, так: «Я ехал на перекладных из Тифлиса» – это не мы. «Первое дело я имел с Беней Криком, второе – с Любкой Шнейвейс» – тоже не мы. И на закуску: «Уже не оглядываясь, ты с усилием потащил колотушку к сияющему на солнце кругу меди» – опять не мы. Зато «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

Ну?!

Ладно. Семафорим открытым текстом. «Повествование в данном романе ведется от третьего лица...» Слава Союзу писателей! Аллилуйя! Раскумекали! Мы – это они и есть. Третьи Лица. Те самые Третьи Лица, от которых ведется. И раньше велось, и сейчас, и в будущем, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; живой классик, патриарх местоимений. В смысле, тут наше место, здесь наше имение, а кому в падлу, пусть идет к Первому Лицу и ябедничает. Про нас даже в Книге пророка Иезекииля черным по арамейскому: «...первое лицо – лицо херувимово, второе лицо – лицо человеческое, третье лицо – львиное и четвертое лицо – орлиное». Конец цитаты. Так что львиная доля здесь – наша, и вести сие повествование мы намерены, не стесняясь в выражениях, прикинувшись перволицыми херувимами и выбрав объект поспособней для социального обобщения, а также морали.

Знакомьтесь: Галина Борисовна Шаповал.

Объект.

Действия объекта: едет из банка в типографию, одну из трех, владелицей коих является. На машине с личным шофером. В машинах мы не разбираемся, поэтому заметим лишь, что это жирная иномарка, в профиль напоминающая морского котика, на носу у нее серебряное колечко с «пацификом» внутри, а на корме написано: «Turbo». Остальное додумайте сами. Разумеется, было бы много увлекательней, едь милейшая гражданочка с корабля на бал. С пиратского брига, где на реях живописно болтаются опухшие от рома флибустьеры; на бал, где гусарский поручик (возможно, сам Ржевский, бретер, фанфарон и герой одноименной пьесы Гладкова «Давным-давно») пригласит ее на вальс. В карете, запряженной цугом. Или шестерней. Ребристой такой шестерней, сплошь в машинном масле. И чтоб дуэль. «На тридцати шагах промаха в карту не дам!» И чтоб страсти-мордасти, а рыжие и зеленоглазые стервы пусть травят соперницу ядом кураре. Но не до смерти. И еще эльфы. Да, эльфы обязательно. Куда без них...

– Потом заедешь в «Эльф». – Мобильный бонвиван «Siemens» сладко затоковал близ розового ушка, соглашаясь. – Возьмешь упаковку сока. Мультивитамин. И мюсли. Мюсли, говорю! Банановые. Остальное на твое усмотрение. Кто придет? Кантор? Какой кантор?! А, Зямочка Кантор, твой однокурсник... Ладно, возьми коньяка. Все. Люблю-целую. Пока.

Последнему – заканчивать разговор по телефону равнодушно-скоростным, как спуск пятиклассника по перилам, «люблю-целую» – гражданка Шаповал научилась у своей дочери Анастасии Игоревны, в просторечье Настьки, студентки консерватории по классу виолончели, сейчас пребывающей в академотпуске.

Мы, конечно, понимаем: никакой романтики. Офис, академка. Банановые мюсли. Проза буден, чирьем на носу раздражающая истинного ценителя беллетристики. Вот, например, бомж у гастронома «Павловский», мимо которого только что проехал наш экипаж, очень неприлично выразался. Ему, бомжу, вдруг подумалось, что никогда он, бомж, не увидит неба в алмазах, вот он и выразился. Такими словами, которые вы знаете, но не любите читать в приличных книжках. Мы эти слова тоже знаем. И поручик Ржевский, который не из пьесы Гладкова, а из народного творчества, знает. Поэтому, вздумай водитель притормозить на углу, волей-неволей нам пришлось бы повторить слова бомжа вслух, ибо Шаповал их обязательно услышала бы в открытое окно, а против правды жизни не поперешь. И что дальше? Вы бы захлопнули книгу, раздражаясь жалобами в адрес Комендатуры Изящной Словесности, а мы бы из Третьих Лиц стали Тридцать Третьими, сгинув во мраке букинистики, не к ночи будь помянута. Хорошо все-таки, что водитель не притормозил. А романтику мы организуем позже.

Чтоб вы не обижались. Бал, корабль и яд кураре. Блеск шпаг на берегу залива. И эльфы. Мелкие такие, с крылышками. Порхающие над гречихой. Честное слово, с романтикой мы что-нибудь придумаем.

Верите?

– Мирон, – сказала Галина Борисовна. – Мирон, я спешу.

– Скоро будем, – вежливо ответил Мирон, похожий на вьетнамца характером, покладистым, но непобедимым. Внешностью же Мирон был чистый, «як слъоза», хохол, с густыми пшеничными усами, свисающими ниже бритого подбородка, и, согласитесь, это было странно. Особенно при фамилии Майсурадзе. – Тютелька в тютельку. Не беспокойтесь.

Лирическое отступление

Знаешь ли ты, любезнейший брат наш во чтении, что, открыв эту книгу, кобылицу необъезженную и жемчужину несверленную, а также дочитав вглубь до первых звездочек, ты теперь, как честный человек, обязан дочитать книгу до конца? Не знаешь? И хорошо, что не знаешь. От многого знания много печали.

Знаешь ли ты, о вождь гордого племени буквоедов, что больше всего на свете не любит твой коллега-читатель? А не любит он лирические отступления, подробные пейзажи, детальные портреты, полифонию сюжета, вставные эссе о судьбах мира, описание сбруи и пр. Вот эти-то «пр.» он ненавидит больше всего. А еще читатель не любит читать, но тщательно это маскирует.

Уж поверь нам на слово.

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

– Миссис Твистер приехали!

Верхнее «ля» референточки Ангелины Чортыло рассыпалось хрусталем из окна третьего этажа, где, подобно отраде в высоком терему, тосковал офис полиграффирмы «Фефела КПК» (чуete это зябкое ф-ф-ф? фея, фонтаны, форшмак...), и хозяйка позволила себе улыбку, тонкую, как талия Плисецкой, и мудрую, как башмачник Саркисян на углу Бабея и Блюхера. Данное сотрудниками прозвище было лестью лишь отчасти, а значит, всем дозволены маленькие слабости.

– До часу свободен, Мирон. Если что, я позвоню.

– Вольному воля, – философически согласился Мирон, дождался, пока хозяйка покинет салон, и со значением, достойным вдохновенного пророка Варуха, переиначил классический финал: – А пасомым – сарай!

Мы только хотели спросить, что он имел в виду, но Мирон уже уехал.

Первый зам, Владлен Зеленый, приплясывал на крыльчке. Он лоснился и сиял. Катался сыром в масле. Потирал жирненькие ладошки, блистая обаянием лысины. Любой принял бы первого зама за подхалима и мелкого комплиментария, готового ноги мыть и воду пить, лишь бы не работать, – о да, любой, но только не прозорливица Шаповал. Знала Галина Борисовна, доподлинно знала, что за лев рыкающий скрывается под обманчивой личиной Зеленого, рыцаря честного и сурового. Не раз стояли они плечом к плечу против алчных орд санэпидемстанции, не единожды, спиной к спине у мачты, отбивали абордаж пьяных мытарей, джентльменов государственной удачи; ухарей-брендмейстеров, норовивших заклеить пожароопасную типографию каиновой печатью, сдерживали они вместе, трубя в рог, и часто, обессилевшую, уносил Владлен госпожу на мощных руках своих, не забывая при отступлении

пинать лиходеев-конкурентов коваными подошвами сапог. Чего стоит лишь история штурма Черного Исполкома, когда ради вызволения взятого под арест тиража шла Шаповал на приступ, закована в броню встречных исков и ошетиная жалами указов, а верный Владлен прикрывал тыл червлеными щитами «крыши» и джипами лесной братвы-вольницы! Пять юристов, как пять полков копейных, бились против «Фефелы КПК»! Пять ответственных секретарей, словно пять эскадронов гусар, прикрывали фланги Владыки Черного Исполкома; звезды падали с неба на погоны ярыжек прокуратуры, звезды рушились с погон оземь, рассыпаясь прахом компромата, а вдали маячил, копя чародейскую силу, сам Призрак Губернатора! Но пал Черный, пал, уязвленный в пяту, и взгремели на павшем доспехи!

Вот каков ты был, зам Зеленый, и потомки воспоют тебя в гимнах: «Се зам!»

– Галиночка Борисовна! Рад, душевно рад... Идемте за мной, обхохочетесь!

Дробно топоча по отзывчивой лестнице, Владлен провел Шаповал на третий этаж, но вместо кабинета распахнул перед ней дверь отдела заказов. Там, в окружении тихо млеющих верстунов-макетчиков, закипал гневом матерый дедуган в кунтуше, сапогах и при сабле. Шаровары деда уже щупала украдкой референточка Ангелина, дивясь гладкости шелка. К счастью, щупала она в правильном месте, где хоть и с трудом, но получается украдкой. Иначе быть беде. Рядом с гостем топтался квадратно-гнездовой мальчик, стриженный под «миргородского ирокеза», супился, молчал, сверкая глазками, похожими на вишни, если случается в наших садах ядовитое вишеньё.

Экраны мониторов мерцали, впитывая облик визитеров.

– Это, смею заметить, заказчик. Кошевой Лопанского казачьего полка. С сыном. Говорит, станет только с главным дело вести. Иначе, говорит, никак. С семи утра ждет, не уходит. Вы очень кстати приехали...

Дед со скрипом повернулся вокруг оси, прищевив Ангелине шаловливую руку.

– Отаман, – буркнул он. – Я. А ты, значитца, в этой бусурменской первопечатне...

Увидел дед. Сдвинул кудлатые брови. Осекся.

И не заметила Галина Борисовна, как распалась связь времен. Лишь огляделась с грозным весельем во взоре. А мы, Лица Третьи, от которых ведется, чуток пособили.

Самую малость.

Полыхнуло солнце в стеклопакетах венецейских, раскатилось льдинками хрусталя. Вздрогнули на столах химеры-всезнайки, хитрющие твари с тех островов, где желтые, как гречишный мед, нехристи едят вареники с устрицами и пузо натошак саблей порют; Ивановой звонницей откликнулась свора телефончиков: трень-брень, всяк-звяк! Оправили мышастые сюртучки замы-завы, менеджеры-маркетологи, хитрая немчура, на всякие вытребеньки гораздая. А перед Шаповал, оперев руки в бока, стоял кошевой отаман Бовдюг Закрутыгуба, козак битый, тертый и в семи щелоках навыворот кипяченный.

– Баба, – со странной интонацией сообщил кошевой, дожевывая левый ус. В карем глазу его, как в испорченном телевизоре, начала было оформляться ясная мысль, но, потеряв сигнал, угасла на корню. – От же ш чортовы бабы нынче родятся!

Скосившись на Галину, отаман вдруг подмигнул ей, словно вознамерясь увлечь в лихую пляску, да передумал. Оборвал морганье на середине, вызвав оторопь у окружающих, и внятно продолжил басом:

– Кругом бабы козакуют! У Туреччину за хабаром кто челноками бегают? Бабы. На ярмарках кто три шкуры с нашего брата-сечевика дерет? Жиды? Куда там! Жидова у Святой земле с сарацинами славно бьется! лыцари! есть порох в пороховницах! А по ярмаркам да шинкам – опять бабы, и арапские китайчата на побегушках. Менты, парламенты, апартаменты!.. документы! тугаменты! – Куренного понесло, но дед справился. Кремень, не дед. – Цыгарки с ментолом! Всюду они, бабы! От же ш жизнь пошла! Не жизнь, чистое золото! Моя-то старая

сносилась, скрипит, так я себе новую присмотрю: складную, поворотливую! Бизнес-бабу! Буду как у Христа за пазухой!

– Ты, отаман, брось языком плескать, – шевельнула соболиной бровью хозяйка, наступая на кошевого, разговорившегося сверх всякой меры. – Ишь, бабу ему! Ты прямо говори: зачем пришел?

Кошевой приосанился. Сбил на затылок смушковую шапку с длинным, как Днепр при тихой погоде, шлыком:

– Грамоты нужны. Ох, добрые грамоты! Сечевой пачпорт козакам требуется. Чтоб ясно было: я, Мосий Шило или там куренной Кукубенко... Нынче козак без пачпорта – тьфу! Пустое место. Шаблю пропей, люльку отдай вражьиым ляхам, свитку в шинке заложи, а грамоту сохрани!

– Первый офсет кладем? Полукартон?

– Шоб ребром сало резало!

– Полноцветка?

– Ага! Ой, луг, цветет луг, червонеют маки...

– Ламинация?

– Отож!

– Тираж?

– Га?

– Сколько штук делаем?

– Сорок две...

– Ты куда, сучий дед, явился? На паперть?

– Сорок две тыщи, говорю! С гаком!

– Ох, кошевой! Ох, пекельная душа! Предроплата?

– Мы заплатим! Мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам горсть червонцев!

– Эге, горсть червонцев! Горсть червонцев мне нипочем: я цирюльнику даю горсть червонцев за то, чтобы мне только половину вечерней прически уложил. Черным налом плати, кошевой!

– И на что бы так сразу? Цур вам! Ну да куда денешься... Даю! Могу зеленым золотом, могу всякой всячиной, по козацкому бартеру: кожухи дубленые из султанского Стамбула, возы-бенцы, галушки-скороварки, черевички Саламандры – добрые черевички, царице впору...

Сверкнула очами Галина. Очки суконкой протерла и еще раз сверкнула. В изразцах пестрых, что по стенам устроены, искры-дьяволята гопака ударили. Затряслись крючкотворы, шелупонь бритая, под взглядом хозяйки:

– Кофия отаману! С сахаром! Чтоб плясал в чашке!

– От, сынку, – строго кивнул куренной мрачному ребенку, за все время не проронившему ни слова. – Никогда б не сказал тебе: будь бабой! а сейчас скажу. С саблей по нашим дням много не накозакуешь. Никак не можно с саблей. А с шоблой, да с крышей черкесской, да с первичным накоплением капитала, тряся ейной матери, важно развернешься. Уразумел?

– С саблей у буцыгарню волокут, – отозвалось рассудительное дитя, прикусывая лошадиным зубом кончик оселедца. – Я у буцыгарню не хочу. Я мытарем хочу. Или в бурсу ментовскую. Батька, идем до хаты, а то мамо нам обоим хвоста накрутит...

– Зачем до хаты! Куда до хаты! Прошу ясновельможного пана до конторы! – вмешался опытный бес Зеленый, грозя братии верстунов злым кулаком. – А вы чего прохлаждаетесь, голодранцы! Кто за вас работать станет, Александр Сергеевич?!

По причине энциклопедической эрудиции Зеленый имел в виду всех сразу: поэта Пушкина, композитора Даргомыжского, актера Демьяненко и юриста Комарова, автора эпохальной «Ответственности в коммерческом обороте».

* * *

В 13.00 верный Мирон осадил иномарку на всем скаку, лихо паркуясь у пирамидального тополя. Морской котик с колечком в носу пыхтел, урчал и косился фарой на беленькую «Ладу», намекая о возможном мезальянсе. У котика начинался брачный сезон. Выглянув в окно, Галина Борисовна лишний раз убедилась в пунктуальности кучера, погрозила пальцем котику, отчего тот сразу охладел к местной простушке, и начала собираться.

В обеденный перерыв обещала встретиться с дочерью.

Когда она уходила, сотрудники рыдали, а сентиментальная Ангелина Чортыло бросила в окно чепчик, потом поняла, что бросила совсем не чепчик, и прослезилась.

– В «Голубой Дракон», Мирон!

– Ну, – берясь за гуж, загадочно отозвался Мирон, умением держать паузу похожий на Василия Ивановича, но не на знаменитого комдива, а на менее известного по анекдотам актера Качалова (настоящая фамилия Шверубович). Он держал ее, дуру-паузу, за глотку, всей пятерней, цепкой и покрытой рыжей щетиной, в результате чего пауза задыхалась и отправлялась в мир иной, лучший, где ее никто не будет держать таким варварским образом. Во всем же остальном, а в особенности – детской доверчивостью, Мирон напоминал Константина Сергеевича, но не страстного славянофила Аксакова, автора записки «О внутреннем состоянии России», поданной через графа Блудова императору Александру II в 1855 году, а режиссера Станиславского (настоящая фамилия Алексеев), продюсера блокбастеров «Чайка» и «На дне». Согласитесь, подобное сходство не вызывало удивления, потому что третье высшее образование Мирон получил по профилю «руководитель коллектива антинародной самодеятельности», сразу после физкультурного и юридического. – Уже едем, чурчхела дедакаци. Н-но, дохлая...

Впрочем, Галину Борисовну сейчас мало занимали Мироновы нюансы.

Мать думала о ребенке.

Ах, дочь Анастасия, дочь человеческая! Была ты вся резвость и живость характера, которые унаследовала от отца, человека, готового бурно начать любое дело: от реструктуризации долгов страны до постановки «Отелло» в тюремном госпитале – но неспособного завершить даже строительство картонного домика. Шаловлива и невинна, ты давала отдохновение усталой матери, лепеча у нее на коленях после трудового дня, и если вынужденный недостаток тепла души можно восполнить избытком презренного металла, то была ты окутана этим эрзац-вниманием с ног до головы. Материнская любовь была гейзером: фигурное катание, синхронное плавание, подиум и виолончель, английский, французский и суахили, элит-гимназия «Мон Парнас» и школа балльных танцев С. Фляка – все нашло в тебе воплощение, не найдя завершения. Консерватория им. М. Ломоносова радостно приняла тебя в лоно свое, ибо ректор, страстно желая обрести лавровый венок депутата, нуждался в дармовых плакатах и тиражах газеты «Форс-Мажор», – но столь же быстро низверглась ты, о Анастасия, в пучину академотпуска по причине творческого кризиса.

Имя кризису было – Полиглот Педро.

Под таким эпатажным псевдонимом взлетел, чтобы вскоре рассыпаться колючими искрами, харизматический авангард-идол, лидер acid-doom-band «Ёшкин Кот», тощий надтреснутый тенор с обилием вторичных половых признаков, в миру – Петька Аршинник. Стоило взгляду Полиглота Педро, взгляду еще не вполне огненному, но уже начиненному динамитом рока, единожды упасть на тебя, о дочь, и высокий штиль жизни твоей превратился в шторм, пожирающий шаланды здравого смысла и фелуки аргументов. Страсть-мордасть, хвост морковкой, дым коромыслом, родаки – козлы, погрязшие в быте, они ни фига не понимают, он гений, он сделает меня знаменитостью... Родаки почесали рога и смирились (вдруг и впрямь гений...), купили на свадьбу двухкомнатную хату, после чего умыли руки с мылом «Palmolive»,

защищающим кожу от бактерий. Прошел год, гений остался дерьмом, сохранив от былой гениальности лишь первую букву, блудил с новыми вокалистками, меняя их если не как перчатки, то уж точно как траченые кондомы; кажется, давал жене по морде, «Ёшкин Кот» трещал по швам от портвейна, склок и патологической неспособности отличить ля-бемоль от моль, бля...

Ах, дочь Анастасия!

Гордая и замкнутая, однажды ты пришла к маме... Нет. Ты не пришла. Не хватило отваги. Ты позвонила ей на мобильник и сказала, дрожа тоненьким девичьим горлом:

– Мутер, это беспредел. Что делать, мутер? Люблю-целую.

– Гнать в шею, – ответила практичная мутер. – Люблю-целую.

– Я боюсь его, мутер. Он грозит мне баллончиком с перцовым концентратом. Люблю-целую.

– Я выезжаю, – ответила мутер, и сотрудники, видевшие Шаповал в этот роковой момент, посидели навсегда, а ожидавший в кабинете клиент заработал инфаркт миокарда. – Люблю-целую.

В последних словах звучал колокол Армагеддона. Тщетно было спрашивать, по ком звонит он, ибо он звонил недвусмысленно.

Развод прошел тихо.

Полиглота Педро больше никто не видел.

* * *

«Голубой Дракон», иначе «Блю-Лун», в это время дня пустовал. Ждал звездного часа – ночного кутежа завсегдаэ, с битьем утки по-пекински, ведрами бритвенно-острого супа из креветок и хоровым «Косят зайцы траву...» под цитру с флейтой. Но ночь пряталась за отрогами Пырловского жилмассива, и чрево дракона тщетно алкало наполнения. Лишь в углу ворковали три крохотные вьетконговки, мелодично обсуждая на птичьем своем языке искусство торговли штиблетами, да сидела под сенью коллекции вееров, прямая и несчастная, дочь Анастасия, грустно употребляя мороженое для охлаждения пострадавших нервов.

Пепельница на столе кишела свидетельствами ее печали.

Идя к дочери, Галина Борисовна с ужасом ощутила, что айсберг нравоучений, приготовленных заранее, тает с каждым шагом. Хотелось утешить, приласкать, обнять и завить побабьи, на два голоса, пугая вьетконговок – или, напротив, зовя присоединиться, ибо баба есть баба, даже если она торгует китайскими штиблетами с маркой «Made in USA» в черноземной Малороссии, за тысячи ли от родного Во-Тхай.

И вновь распалась связь времен. Сплелся из нитей бытия 15-й год правления под девизом Первичного Накопления Ци, соткалась вокруг женщин харчевня Дядюшки У, что на окраине Вешних Хунвэйбинов, и диковатый варвар Дамо подмигнул с гравюры разбойничьим глазом. Запахло мэйхуа, фейхоа и жареными чау-чау; учение Будды распространилось до Восьми пределов, продажная певичка затянула жалостную «Виновата Ли Я!», а на улице двое святых отцов занялись выяснением главного вопроса веры: чье кунг-фу лучше? Присев за столик и обмакнув диетический хлебец «О Юй Юй» в блюдец с подслащенным чесноком, Шаповал приняла позу «Император благоволит к бьющим челом» и качнула вилочкой в манере «Учтивый Ду», тонко намекая на готовность начать беседу.

– Достопочтенная госпожа мать моя! – согласно «Мыслям о сокровенном», изложенным патриархом Ша в пагоде Хмельного Воспарения, Анастасия всплеснула рукавами, выражая дочернюю покорность. – Уяснив по здравом размышлении трижды благословенную правоту твоих наставлений, а также окончательно разочаровавшись в образе жизни лукавого говнюка, коварством и развратом увлекшего меня, невинную девицу, со стези добродетели в пучину тысячи скорбей...

Тут она, зардевшись курочкой в гриле, слегка перевела дыхание, ибо лишь на факультете вокала встречаются достойные студенты, чьи зев и гортань способны без последствий выдержать нагрузку церемониальных речей. Терпеливо дожидаясь, пока дочь справится с обуревавшими ее чувствами, Галина Борисовна размышляла о бренности сущего, препонах на пути к Семейному Дао и поставках жидачевского картона. Как говорил прославленный Ли Бо в переводе Анны Андреевны Ахматовой, перед тем как утонуть, в состоянии алкогольного опьянения ловя луну в пруду:

Ступени из яшмы давно от росы холодны.
Как влажен чулок мой! Как осени ночи длинны!
Вернувшись домой, я ложусь и покорно внимаю
Оленьей печали и брани озябшей жены.

А может быть, Ли Бо говорил как-то иначе, но у нас сейчас нет времени это проверять.

Пухленькая разносчица в кофточке, изукрашенной иероглифами «cool» и «must die», воспользовавшись паузой в беседе, с поклоном заменила на столе пепельницу, искусно покрыв старую новой и подхватив разлетевшиеся крупички пепла на лету, – жест ее меж сведущими назывался «Гора Тайшань падает на голову» и выдавал мастера сокровенного стиля Черепахи-и-Коровы, иначе «гуйнюцюань». Оценив искусство разносчицы двумя-тремя краткими возгласами, Анастасия продолжила:

– И решила я, о матушка, на шаг, скрывающий в себе пылкость юности и обдуманность зрелости, ибо хочу я отныне, пребывая в тисках крутого невроза, завести себе...

Вспомнив советы мудреца-отшельника А Люши Бескаравайнера, практиковавшего на дому искусство Алхимии Сердца, Галина Борисовна расслабилась, сосредоточилась на «желтом дворе Хуан-Тин», который есть не что иное, как II киноварный котел в области солнечного сплетения, прояснила дух и принялась размышлять. Дитя подвержено смуте. Дитя решило завести. Кого? Мысленно расположив, подобно гадательным стеблям тысячелистника, возможные варианты по мере ухудшения, она пришла к следующим выводам:

- а) любовника;
- б) собаку;
- в) второго мужа;
- г) ребенка.

Во всех четырех случаях внутреннему взору матери предстала гексаграмма Да Ю, переходящая в Куй, что являлось условно-благоприятным знаменем. Каково же было изумление почтенной госпожи, когда дитя, выдержав паузу, подвело итог:

– Я хочу завести себе шута.

– Сдурела? – поинтересовалась Шаповал, разом восстанавливая связь времен. Лешка Бескаравайнер, сенс-психоанальгетик, лицензированный Минздравом колдун и друг семьи, категорически не рекомендовал ей (Овен, Кот, Сосна, Наперстянка) разговаривать в таком тоне с дочерью (Водолей, Крыса, Яблоня, Горечавка Желтая); но, увы, не хватало терпения следовать советам хладнокровного, как рефрижератор с бройлерами, Лешки. Тем паче что, судя по экстравагантным композициям, умница Бескаравайнер в составлении гороскопов – зодиакальный метод ханьских волхводруидов – руководствовался скорее интуицией, чем календарем.

Вместо ответа или, того хуже, истерики дочь протянула рекламный проспект.

По сияющему гляncy были щедро разбросаны участливые вопросы: «Стресс?», «Неврозы?», «Депрессия?!» и наконец строгим готическим шрифтом: «ХАНДРА?!» В центре же, разлетаясь искрами фейерверка, воздушными шариками и брызгами шампанского, красовалось решение всех вышеуказанных проблем:

«Заведи себе шута!!!»

Подложкой служило изображение хохочущей семьи, чье счастье рискнул бы оспорить лишь хронический мизантроп, – отец, мать и великовозрастный оболтус-сын смотрели на нижний обрез проспекта, откуда высовывался прелестный колпак с бубенцами. Галина Борисовна оценила качество рекламки с профессиональным интересом: мелочь пузатая, рыночные однодневки не могли бы позволить себе подобной роскоши. Никакой лишней информации, ничего отвлекающего – картинка, вызывающая доверие и улыбку с первого взгляда, краткий текст без дурацких обещаний, и мелко, по краешку: «ЧП «Шутиха», ул. Гороховая, 13».

– Это шутка?

Смех дочери подчеркнул странную тавтологию вопроса. Нет, значит, не шутка. Не розыгрыш. Скорее всего, Настька успела проверить: реально ли существует на Гороховой ЧП «Шутиха»? И оказывает ли гражданам свои услуги – чудные, малопонятные, с бубенчиками. В Настькином детстве вечно занятая мама сто раз заказывала на дом клоунов, Дедов Морозов и прочих Дональдов Даков, компенсируя лихими наемниками недостаток материнского внимания. Сейчас «Шутиха» представлялась ей чем-то смутно знакомым. Придет дядя в колпаке, развеселит, споет песенку, расскажет скабресный анекдот...

– Тебе одного шута мало? Сразу после развода решила второго завести?

Дочь ковырнула мороженое. Пересыпала шоколадную стружку с левого шарика на правый. Размазала сироп. Зная любимую мамочку, что называется, от каблучков до шляпки, Настька ждала конкретного вопроса, и он не замедлил явиться на свет.

– Сколько это стоит? – осведомилась Галина Борисовна, внутренне понимая, что соглашается. Так было всегда. Стоило Настьке замолчать и нахохлиться, как от дочери начинали струиться невидимые флюиды. Их действие было столь же волшебным, сколь и прогнозируемым: сперва родительница принималась скрипеть, потом – категорически отказывать, грозя всеми карами, мыслимыми и немыслимыми, и наконец – исполнять прихоть ребенка. Шаповал знала это, в последнее время опуская первые две фазы или сокращая их до минимума. Да, непедagogично, зато удобно. Слегка напоминает дачу взятки старому знакомому: достаешь конверт без предварительной артподготовки, верительных грамот или осторожных, как ухаживание за малолеткой, реверансов.

Папина девочка. Вся в Гарика.

Не жнет, не сеет, а хлеб насущный днесь вынь да положь.

Когда Настька назвала цену, окончательно выяснилось: ЧП «Шутиха» – это серьезно. Это очень серьезно. Клиентура, способная оплатить требуемый гонорар, не те люди, с которыми можно шутить. Верней, шутить-то, видимо, можно, снимая неврозы и стрессы, но при этом честно отработывая каждый миллиграмм заказанного веселья. Бубенцы небось золотые. И колпак от Версаче.

– Ты, мама, не расстраивайся, – утешила чуткая дочь. – Это еще дешевый контракт. Если с членовредительством, то намного дороже.

– Обижаешь, мышка! Гулять так гулять! Возьмем с членовредительством, а?!

Глядя на задумавшуюся Настьку, Галина Борисовна отчетливо увидела, что глупая, вымученная попытка перевести разговор в фарс провалилась.

– Нет, – после долгих раздумий сказала Анастасия. – Я так не хочу. Разве что побои средней степени... Они говорили, это очень разгружает психику. Мам, ты оплатишь побои?

Глава вторая «По улице шута водили...»

О, сосед!

Был он вован из тех вованов, кто пишется с заглавной буквы лишь в силу причуд этического императива, чья родина – анекдот, чей девиз – «Homo homini patsanus est!», кто громоздок, как декорации к «Борису Годунову», естественен, словно младенец, обгадивший пиджак министру культуры, доброжелателен, будто остаточный принцип финансирования, выразителен, как ненормативная лексика шпалоукладчицы Клавдии, и вы таки будете смеяться, но от окружающих он требовал малого: вслух звать его – Вован.

– Доброе утро! Володенька, извините, но ваша машина...

– Ы?!

– Утро, говорю, доброе! Джип, говорю, ваш...

– Ы-ы?!

– Вован, убери джип, на хрен! Я выехать не могу!

– Нет проблем, Галчонок! Айн момент!

О-о, сосед! Скажи нам ты, кого любит душа наша: где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень? К чему нам быть скитальцами возле стад товарищей твоих?! Возлюбленный наш бел и румян, лучше десяти тысяч баксов, голова его – твердыня без башен, обращенная к пляжам Канар, глаза его – фары «Мерседеса» «шестисотого», могучего, пастыря «Запорожцев» в долине фольклора, щеки его – жар сауны благовонной, текила под языком его, и аромат шашлыка источают уста; обилен телом ты, как совместное кыргызско-ирландское ООО «Йов Кырдык» – надеждами инвесторов, грозен, как полк УБОП со знаменами, руки твои – жезлы стражей с большой дороги, сильные, полосатые, стригущие львов и баранов на путях их, за козла ответил ты, фильтруя базар, кедр ливанский в штанах твоих, цепь на мощной шее твоей – прелесть чистая, конкретная, и соразмерность звеньев; и весь ты – любезность. Вот кто возлюбленный наш!

...и торгуешь ты майонезом.

Сейчас же Вован выгуливал на сон грядущий своего любимца Баскервиля, кобеля страшного, как налоговая инспекция, но добродушного, как она же после разговора с глазу на глаз. Был Баскервиль противоестественным ублюдком ищейки и мастифа, зачатый во грехе. Во всяком случае, так уверяли эксперты кинологического общества «Муму», сперва придя в ужас от заказа клиента, но после недолгих колебаний устроив этот жуткий мезальянс. Так оно было или иначе, но пес вышел на славу: оживший кошмар, дьявол с единственным, хотя существенным изъяном – обитай наш друг в глуши Гримпенской трясины, разгуливая по ночам, когда силы зла властвуют безраздельно, сэр Чарльз до ста лет оставался бы хозяином Баскервиль-холла. Вован очень стеснялся доброго нрава любимца и, шутейно борясь с собакой в присутствии посторонних, настойчиво добивался рыка и приличествующего оскала; впрочем, без особого успеха.

Окрестные же шавки, видимо, полагали пса воплощением депрессивного психоза, даже не пытаясь облаивать.

Но странное дело: сегодня в лапе Вована были зажаты не один, а два поводка, и на конце второго, сунув голову в строгий ошейник, разгуливал некий гражданин в тельняшке и камуфляжных, протертых на коленях штанах. Гражданин резво трусил вдоль обочины, больше на четвереньках, но изредка, подтверждая гордый статус прямоходящего, обнюхивал следы шин на дороге, взрыкивал на Баскервиля, крайне обрадованного таким соседством, и даже погнался было за беременной кошкой, но быстро передумал, оставил кошку шумно сходить с ума в кроне акации и вернулся к обнюхиванию. Экстерьер подозрительного гражданина вполне соответ-

ствовал габаритам красавца-кобеля, а также масштабам Вовановых запросов, если помнить, что бравый торговец майонезом, по слухам, в дни бурной юности, незадолго до титула районного рэкетмейстера, брал греко-римское серебро на ковре чемпионата Европы.

- Вован! Эй, Вован! Сдурел?
- Он его в карты выиграл...
- В подкидного?
- В переводного. Через «Western Union».
- Не-а! Это за долги!
- Дяденька! А дяденька! Куси Мурку!
- Фас!
- Товарищ! Как вам не стыдно?!

Риторичность последнего вопроса вопияла к небесам. По всему видать, товарищу не было стыдно никак. Он бегал, нюхал и чесался. Щеки его лоснились синевой щетины, сноровка передвиженья на «четырёх костях» выдавала большой опыт, но в целом впечатления мученика или раба Зеленого Змия, за трешку согласного на позорный выгул, он не производил. Встань, гражданин, сними ошейник и пойдёшь себе прочь – вполне бы мог, согласно Горькому, звучать гордо. А Вован, красный, потный и счастливый, как Паваротти, взявший фа в IV октаве, наслаждался вниманием публики. В шортах цвета хаки и футболке навыпуск, он заслуживал быть рекламой чего угодно, где требуется обилие здорового тела и духа. Например, нового майонеза «Соловушка».

Никогда раньше Галина Борисовна не видела соседа таким довольным.

– Погоди, Мирон, – она внимательно следила за представлением, медля покинуть машину. – Одну минуточку...

– Хоть десять, – кивнул Мирон, похожий бесстрашием на китайца-даоса с этикетки чая «Смех медузы». Умением же превращаться в соляной столб, пока хозяйка занимается делами, он соперничал с излишне сентиментальной женой Лота, что было в общем-то неудивительно при отчестве Герш-Лейбович.

Тем временем гражданином на поводке заинтересовалась местная золотая молодежь. Золотой, равно как и местной, она была условно – обитатели спального монстра-стотысячника, микробы бледной колонии микрорайонов, именуемой в народе «Пырловкой», сюда они ходили отдыхать бурной душой. Отдых души включал обзор архитектуры частных коттеджей, склонение буржуев по падежам и вялые, а главное, сугубо абстрактные грезы об экспроприации. Возглавлял стаю некий Казачок, мужчина отсидевший, самостоятельный и видавший виды. Прозвище свое Казачок получил отнюдь не по причине сложных ассоциаций с родовой фамилией Засланный, а из-за привычки, подводя итог спору, напевать раздельно, по складам, словно вбивая каблук в скрипучую половицу: «Ка-за-чок!» Обычно после этого довода кураж оппонентов мигом иссякал, потому что дрался Казачок конкретно и деловито, как санитар в буйной психушке. При этом отчетливо разделяя агнцев и козлищ, пациентов и докторов, ни разу после отсидки не влипнув в дурную историю. Именно Казачок однажды объяснил желторотикам спальной Пырловки азы житейской мудрости, и птенцы уяснили вред следующих действий, как то:

- а) топорщить перышки на Вована;
- б) грубить Галине Борисовне;
- в) громко пропагандировать ночью народовольческие идеи;
- г) разное.

Сейчас они, беря пример с академиков в репринтном издании «Махабхараты», ограничились комментариями.

– Ну, блин, козел! – сказал Шняга, лопухий дылда с мощным, сократовским лбом дауна.

– Козел, в натуре! – согласился Чикмарь, он же Арнольд Чикмарев, больше всего на свете стеснявшийся собственного имени.

– Козлина! – подытожил Валюн, слывший меж пырловцев эстетом за способность переиначивать слова. – С рогами!

Казачок отмолчался, внимательно следя за прогулкой Вована. Как раз сейчас, спустив гражданина с поводка, счастливый хозяин затеял с выгуливаемым шутейную борьбу – на зависть слюнявому от ревности Баскервилю. Но связь времен вдруг распалась без предупреждения, практически игнорируя наше благотворное вмешательство. Мы бы, как Лица Третьи, интеллигентные и условно-романтические, предпочли бы турнир по придворному сумо: 1174 год, правление микадо Такакуры, как раз перед началом смуты Гэмпей, – или на худой конец первый выход Ивана Поддубного, 25-летнего грузчика, на манеж Феодосийского цирка в 1896 году, когда даже знаменитый Лурих был туширован за две минуты; но, увы, судьба-злодейка распорядилась иначе.

Футболка с шортами уступили место трико в полосочку, стянутым в талии широким поясом из кожи, делаая Вована похожим на жирную нетрудовую осу. Зато гражданин, спущенный с поводка, обрел куцые штанцы до колен, башмаки-корыта и подтяжки на голое, крайне волосатое тело; лицо гражданина, и без того вульгарное, скрылось под маской гориллы. Толпа коверных в составе Чикмаря, Шняги и эстета Валюна заахала, заохала, прославляя мужество атлета, рискнувшего бросить вызов дикой твари, а шпрых-шталмейстер Фрол Емельяныч Казачок-Засланный оправил вороной фрак и, мелкой рысцой выбежав на центр арены, возгласил козлетоном:

– Дамы и господа! Сейчас состоится борьба по римско-парижским правилам между знаменитым атлетом Вованом Майонезовым и кровожадным обезьяном Жориком из джунглей Южной Гваделупии! Победитель получает приз в сто рублей! Спешите видеть!

Ахнув, Галина Борисовна оправила шляпку из итальянской соломки, а кучер Мирон терпеливо дождался, пока хозяйка выйдет из кареты и займет свое место в ложе бельэтажа, после чего сдал экипаж задом, намереваясь поставить лошадей в стойла и принять рюмочку горячительного в трактире «Диканька». Кучера рюмочка интересовала куда больше всех атлетов и горилл на свете, от Полтавы-колбасницы до чайного острова Цейлон, ибо был Мирон стойком и фаталистом.

Но оркестр уже сыграл «Прощание славянки», и грянул бой.

Далее, под восторженный хор зрителей, злобный обезьян Жорик был повержен во прах дюжиной разных способов. Разумеется, это был не знаменитый «гамбургский счет» и даже не Феодосийский цирк, о котором мы имели честь упоминать, – так, балаган-шапито месье Ломброзо, установленный проездом в Житомире, Жмеринке или какой-либо иной дыре из тех же краев алфавита. Но пот был настоящим, утробные вопли обезьяна наводили ужас, чтобы не сказать ввергали в панику, атлет Майонезов пыхтел агрегатом братьев Черепановых, а шпрых-штал Казачок шпрыхал всюю, выкрикивая привлекательно, но малопонятно:

– Бра-руле! Двойной нельсон! Дал-в-хлёбово! Тур-де-тет! Бряк-по-мусалам! Тур-де-бра! Кранты! Туше!!!

Гваделупское чудовище пресмыкалось во прахе, вымаливая жизнь и долю в призовых ста рублях, атлет Майонезов мало-помалу превращался в счастливейшего из смертных Вована, растекался туманом балаган, – и лишь троица коверных глухо увязла в романтике, бессильна вернуться к будням.

– Круто! – просипел Шняга, пылая ушами.

– Блин, круто! – подтвердил обалделый Чикмарь, готовый сейчас простить людям все, даже собственное имя Арнольд.

– ...ть! – согласился эстет Валюн, временно утратив дар словотворчества.

Вован же, приладив поводок, уводил гражданина и вдребезги разобитого Баскервиля прочь. Уводил медленно, желая до конца насладиться триумфом. Проходя мимо Галины Борисовны, он задержался еще на минутку:

– Видала, Галчонок? Какой пацан, а?!

– Это ваш... э-э-э... Это ваш друг, Вован? – только и сумела выдавить Шаповал.

Гражданин с четверенек обляял даму, собрался было на радость возликовавшему Баскервилю пометить скамейку, даже расстегнул левой рукой штаны, но тут хозяин строго одернул нахала, и гражданин заскулил, пятась.

Вован густо расхохотался, мучась одышкой:

– Друг? Ну ты и сказанула, подруга! Это мой шут!

Философское отступление

Если ты, о бык среди потребителей печатной продукции, уже дочитал до этих строк, скрывающих в себе исток бытия, – ты, несомненно, понял, что в сей книге на 7-м уровне астрал-подтекста разворачивается сущность воззрений лучшего из триждырожденных, просветленного хасид-йогина Шри Джихадварлала Абрахмы Рабиндрановича Шивы-младшего, изложившего доктрину учения «Левая нога джнянина» в мантре для тенора и баритона с оркестром:

Шам-бала, Шам-бала, Шам-балалайка,
Шам-бала, Шам-бала, Шам-балала,
Ом-балалайка,
Хум-балалайка,
Шам-балалайка, Шам-балала!

Если ты, бык, этого еще не понял, читай дальше.

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

А потом был вечер, продолжившийся Зямой. Наверное, это космически несправедливо, когда вечер такого сумасшедшего дня продолжается Зямой, чтобы им же закончиться, но Галина Борисовна слыла в деловых кругах человеком слова. Купцы первой гильдии не подписывают контрактов – им достаточно ударить по рукам. Раз утром позволила мужу коньяк и однокурсника, то крутись, белка, в колесе, не крутись, а полезай в кузов. Особенно если ты, сохранив в паспорте девичью фамилию, давно утратила максимализм юности, а супруг твой, Игорь Горшко, меж друзьями – Гарри Поттер, человек вечной молодости. Что означает: волшебен обидчивый, колдовски ранимый и общительный до полной размытости сознания.

Без друзей он чахнет, как кактус на рисовых полях.

С друзьями он колосится, как рожь за околицей.

В сущности, у каждой домработницы бывают свои скелеты в шкафах, и почему отказывать мужу в мелких слабостях? Коньяк доверчиво грелся в ладони, чашечка кофе оплакивала родную Бразилию, истекая ароматом, и огонь семейного очага горел в сердце, позволяя слушать вполуха, грезить о тайном и не вникать.

– Это ничтожество, – сказал Зяма. Пунцовый блик лежал на его носу, обильном и сизом, как баклажан, делая нос гостем из ночных кошмаров импрессиониста Моне. – Ты его знаешь, Гарик. Это полное, законченное, самодостаточное и пышное ничтожество. Он говорит мне:

«Зяпочка! Ваши стихи дышат чувством, но в вашем возрасте! С вашим-то опытом! Неужели вы не слышите...» И давай склонять: пеоны-пентоны, дактиль-птеродактиль! Он думает, если способен гнать ямбом кубометры рифмованной чуши, так уже и получил мандат на Кастальский ключ! Ямбы-тымбы-мымбы! Мертвечина! А тут! сердцем! романтической душой, из-под спуда будней...

Зяма напрягся и, часто дыша, задекламировал в ля-ля-миноре:

В Карибском море плавал парусник
В двадцатипушечных бортах,
И много числилось на памяти
Его отчаянных атак.
И сокращалось население
Прибрежных доков и портов
От залпового сотрясения
Двадцатипушечных бортов...

– Это гениально. – Гарик восхищенно припал к коньяку, дергая кадыком. – Просто, искренне. Такое хочется петь ночью, у костра. Под гитару, потягивая спирт из мятой фляги. Зяма, ты всегда юн. У тебя большое сердце.

В глазах мужа, последние двадцать лет видевшего костер исключительно по телевизору, обнаружился отсвет пожарищ, пылающий горизонт, кровь на палубе, лезвия абордажных крючьев и троица канониров с дымящимися фитилями. Как все это поместилось в двух, откровенно говоря, небольших глазках, оставалось загадкой.

Зяма принял комплимент достойно, перейдя к припеву, описывающему в художественных образах конфликт капитана с излишне меркантильными матросами:

Счастью не быть бездонным,
Счастье – не океан,
И с командой ночью темной
Не поладил капитан.
Был у капитана кортик,
Был кремневый пистолет,
Весь в крови помятый бортик,
А команды больше нет.

В гостинной отчетливо запахло порохом. Дребезжанье бокалов-пузанчиков напомнило старушечий хохот ветра, шторы взвились грот-бом-брамселями, на люстре закачался опухший флибустьер, повешенный за сокрытие награбленного имущества, и за окном вороний грай, безбожно грассируя, взвился в попугайском экстазе: «Евр-рея на р-рею!»

– Я, кажется, знаю, куда ты гнешь! «Летучий Голландец», да?!

Гарик от волнения привстал в кресле и весь просиял, когда Зяма подтвердил его догадку сперва кивком, а позже и финальным пассажем:

В Карибском море плавал парусник
В двадцатипушечных бортах,
На нем имеются вакансии
На все свободные места.
Больше нет костей на флаге,
Нету мертвой головы, —

Череп там бросает лаги,
Кости стали рулевым!

Все семьдесят пять не вернуться домой —
Им мчатся по морю, окутанным тьмой!

– Ты обращался к Ипполиту? – Гарик понизил голос, словно намекая на тайну, известную лишь им двоим.

– Да, – качнул носом Зяма. Лицо его в профиль напоминало парусник. В двадцатипушечных бортах. С бушпритом наперевес. В фас же лицо Зиновия Кантора более всего походило на кабину грузового трейлера. – Он сказал, что напишет музыку. Завтра. Или послезавтра. Это будет шлягер. Так сказал Ипполит, а ты знаешь Ипполита.

Галина Борисовна тоже знала Ипполита. Ипполит был концертмейстером в детском саду «Жужелица», а по совместительству – просветленным дзен-буддистом. В его понимании «завтра» не наступало никогда.

– Настя хочет завести шута, – вдруг сказала она. – Игорек, слышишь? Наша дочь собралась обзавестись шутом. Будет выгуливать его на поводке, как Вован. Наносить побои средней степени. Разгружать психику. Игорек, ты что-нибудь понимаешь?

– Пусть возьмет это ничтожество. – Щеки Зямы просветлели и колыхнулись. – Прирожденный паяц. Представляешь, Гарик, он уже трижды отказал мне в публикации. Трижды! За полгода. Дескать, мое творчество плохо подходит к тематике журнала «Нефть и газ». Я у него спрашиваю: а твое? твое драное творчество?! Оно хорошо подходит к тематике?! И этот скорморох мне отвечает: я в «Нефти и газе» работаю. А публикуюсь я в «Новом хозяине». Нет, ты понял? Это ничтожество – новый хозяин, а я даже к нефтегазу не подхожу!

Гарик взял ломтик лимона. Посмотрел на просвет:

– Зялочка, не унижайся. Потомки оценят. И ты, Галочка, успокойся. У девочки трудный период. Сейчас многие заводят – семью, машину, собаку...

– Но ведь не шутов?

– Я бы завел, – сказал Зяма. – Я бы читал ему стихи. Но у меня нет денег на шутов. Мои шуты – бесплатные. Они публикуются в «Новом хозяине».

Лимонный монокль в глазу придавал Гарику странную значительность: комично-породистую. Опытные циркачи, рожденные, что называется, в опилках, шепчутся меж собой: таким бродит ночью под куполом шапито призрак барона Вильгельма фон Шибера, безумного лотарингца, променявшего титул на любовь акробатки Нинель, а шпагу дворянина – на погрешку клоуна. Шаповал была не в курсе балаганного фольклора, но если повествование ведут Третьи Лица, сведущие во всяких материях, то стоит ли удивляться разнообразию сравнений?

Впрочем, монокль вскоре был съеден, и образ развеялся.

– Мальчишки, у меня сегодня был трудный день. Я иду спать.

– Спокойной ночи, дорогая. Не возражаешь, если я в среду соберу мальчишник? Человек на десять? Тихонечко, интеллигентно...

– Она не возражает, – сказал Зяма. – Галка всегда была умницей. А в сравнении с этим ничтожеством – так и вовсе царицей Савской. Галка, ты прелесть. Я посвящу тебе поэму.

И умница не стала возражать.

Пусть будет мальчишник.

* * *

Пожалуй, этот диалог мы могли бы дать как-нибудь иначе. Более прозаически, что ли? Не увы – ночь. В смысле темно. И в спальне не горит даже крохотного ночничка. Ничего не

видно; лишь смутный монблан кровати, и сквозняк надувает паруса оконных гардин. Плывет бригантина во тьме, скрежеща такелажем, впитывая ледяной огонь звезд. Воеет на Москалевском пустыре собака: по покойнику или так, от волчьей тоски. А может, умелый звукооператор врубил запись лая и курит себе в кулачок, пуская дым за дверь будки. Луна отражается в стекле, прикидываясь портретом лысого дядьки. Очень умного. С бородкой. Скорее всего, дядька – поэт. Слегка похожий на Зяму, но вряд ли.

Будем считать, это Шекспир.

Или кто-то, все же больше смахивающий на Шекспира, нежели на Зяму.

Плывет бригантина в ночь, со сцены в зал, и все никак не доплывет до пристани...

Галина

Немного отдохну
И двину вновь на штурм твоих ушей,
Для моего рассказа неприступных.
Какой кошмар! И кто? Родная дочь,
Оплот моих надежд, отрада жизни,

Которую я сызмальства люблю,
Как сорок тысяч кротких матерей,
И сорок тысяч бабушек, и сорок
Мильонов безответственных отцов...

Гарик (*сонно*).

Нехама, делай ночь.

Галина

Оставь цитаты!
Постмодернизм нас больше не спасет.
А вдруг он будет злобный маниак?
Садист? Убийца? Сумрачный урод,
В тельняшке драной, с гнусным бубенцом,
В портках с дырой, с ухмылкой идиота,
С громадным несусветным гонораром
За выходки дурацкие его, —
О, сердце, разорвись! И я сама
Должна купить для дочери шута!
Позор! Позор!

Гарик

Вчера по TV-6,
По окончанье буйного ток-шоу
«Большая стирка», но перед началом
Программы «Глас народа», что люблю
Я всей душой, от суеты усталой,
За пафос несгибаемый и мощь,
Крутили малый ролик о шутах.

Я внял ему. Когда б не здравый смысл
Да возраст, я бы тоже приобрел
Простого дурака. Как член семьи,
Комичный, резвый и трудолюбивый,
Ужимками забавными да песней
Он развлекал бы нас. Придя с работы,
Ты слышала бы оживленный смех,
И на твои уста, где деловитость
Давно сплела стальные кружева,
Сходила бы здоровая улыбка.
В том ролике, где выдумка рекламы
Сплелась в объятье с веским аргументом,
Один профессор – мудрый человек,
Чьи кудри убелили сединой
Не только годы, но и снег познания, —
Вещал про положительный эффект
Общениа с шутот.

Галина

О, продолжай!

Гарик (*оживляясь*).

Он говорил: мол, шут снимает стрессы
И гнет последствий их, что тяготит
Сограждан наших. Крайне благотворно
Влияет на сознание клиента,
А также подсознание; альтер эго
От выходок веселых дурака
Приходит в норму. Кровообращение
Становится таким, что зло инфаркта
Бежит того, кто водится с шутот.
Естественность и живость поведенья
Растет день ото дня. Да, наша дочь
Пошла в меня! Удачные идеи
Анастасию любят посещать.
Я думаю, что в частном разговоре,
Отец и друг, я смутно подтолкнул
Ее к решенью: мужа потеряв,
Обзавестись домашним дураком,
Весельем утешаясь. Это я,
Я надоумил! Кто ж, если не я?!

Женщина встает, подходит к окну.

Тихо, неслышно для мужа.

Галина

Конечно, ты! Ты в мире сделал все.
Возвел дома, разбил густые парки,
Сельдь в море изловил, летал в ракете,
Постиг у-шу, цигун и карате,
Ходил в походы, покори́л Монблан,
Играл в театре, Зяму научил
Писать стихи, и семистопный ямб
Придумал тоже ты. В том нет сомнений.
Ты гений «если бы». А я – никто.
Я – скучная подкладка бытия,
Фундамент для затей, что ты и Настя
Без усталы творят. Я – фея будней,
Что Золушек каретами снабжает
И жалованье кучеру дает,
Чтоб кучер бывшей крысой притворился,
Не разрушая сказки. Я есть я.
Мой милый мальчик, прожектор седой,
Бездельник томный, я тебя люблю.
За что? За то, что ты живешь не здесь.
Ведь двое мне подобных никогда бы
Не ужились друг с другом в тесном «здесь».
Надумай я обзавестись шутком,
Была бы то пустая трата денег.
Мечом судьбы рассечена толпа:
Одним назначен крест, другим – колпак.

Гарик*(увянув)*.

Давай-ка спать...

Глава третья «Шут с вами, неврастеники!»

– Алексей Яковлевич, голубчик! Поверьте, я бы никогда не решилась тревожить вас по пустякам, но мне попросту не к кому больше обратиться! Вы полагаете, Настя – душевнобольная?

Оправив сюртук, г-н Бескаравайнер заложил за спину изящные холеные руки интеллигента, знакомого с рубанком лишь по толковому словарю С.И. Ожегова, и прошелся по кабинету. От шагов его колыхнулся бархат портьер, волнение передалось дальше – мелодично звякнули фуцзяньские бирюльки, украшавшие притолоку двери, дрогнул огонек лампадки пред Спасом Ярое Око, мирно соседствовавшим с толстопузым сибаритом Майтрейей, Буддой Грядущего, а также с не менее пузатым индейским болваном Ганешей, обладателем завидного хобота. Сладковатый дымок ладана смешался с сандалом курений, клубясь над резным набором для месмерического столоверченья; в симфонию ароматов вплелась тема сигары «Esmeralda», вулканирующей во рту лицензированного медиума, и на глаза Галины Борисовны навернулись слезы. Переживая за дочь, она менее всего заметила, что со связью времен начались очередные пертурбации. Но романтика, видимо, в данный момент решила уклониться от своей повинности, потому что в окружающей реальности без особой на то причины пропустили чеховский надлом, купринская провинциальность и эхо бунинских темных аллей, – что выказывает не столько нашу образованность, сколько скромность.

Правда, в смеси это дало скорее двенадцатиярусную байдаковскую кулебяку, смешав налимью печенку и костяные мозги в черном масле, нежели деликатную ботвинью с осетринкой, белорыбицей и тертым сухим балыком, – но этого Шаповал, натура более деловая, нежели аристократическая, тоже не заметила.

– Душенька, Галина Борисовна! Спешу успокоить вас: Анастасия Игоревна вполне здорова. Нынешние девицы тверды душой сверх меры, и не такому пустяку, как распавшийся брак, нарушить целостность их психосемиозиса! Разумеется, если будет на то ваше желание, я могу провести ряд магнетических сеансов по методике Магнуса де Баркадера, восстанавливающих трансперсональную парадигму психики, но... Уверяю, это будет не намного дешевле, чем двухнедельный наем шута, а эффект от спиро-магнетики существенно меньший, нежели от шут-терапии! Видите, стремись я исключительно к матерьяльной выгоде, вряд ли я был бы столь откровенен!

– Так вы, милейший Алексей Яковлевич, в курсе событий?

– Разумеется, матушка! – Медиум рассеянно взял из угла астролябию в порыжевшем футляре, переложил инструмент на этажерку, где грудой скопились проспекты «Коммерсантъ», «Сглаз и Порча», а также «Медицинский факт» за прошлый год. – Еще будучи ребенком и проживая в уездном городке N с матерью, добрейшей женщиной, работницей завода «Красный Химикалий», я справедливо полагал осведомленность, а вовсе не философию царицей всех наук. Того же мнения придерживаюсь и по сей день. Вот, извольте взглянуть...

Углубившись в недра секретера, он надолго скрылся там, мурлыча под нос арию из рок-оперы Глинки «Жизнь за царя». Галина Борисовна ждала с трепетом, терзая батистовый платок. Она доверяла мнению Алексея, человека рассудительного и честного, а также обязанного г-же Шаповал бесплатными визитными карточками и частью клиентуры в лице сахарозаводчика Ахиллю, супруги полицмейстера Шарапуна, статского советника Ново-Вишнева, мецената Джихада Маздаева, товарища окружного прокурора, и прочих достойных граждан, – короче, Бескаравайнер не стал бы лгать благодетельнице.

Когда платок был окончательно истерзан, медиум с поклоном вынул обрывки батиста из пальцев гостыи, взамен вложив раскрытую на нужной странице брошюру. После чего присел

на старинный турецкий диван, обитый оленьей кожей, такой ширины и длины, что на нем могли бы улечься поперек шесть или семь человек. В ладони Алексея Яковлевича сам собой образовался шар величиной с яблоко, из полупрозрачного камня, вероятнее всего, опала или сардоникса. Вперив взгляд в шар, медиум ясно дал понять: «Читайте безбоязненно, я занят и не слежу за вами!»

Гостя мысленно воззвала к Рязанской Божьей Матери и опустила глаза. Взгляд сперва скользил по строкам, не проникая в смысл, но вскоре усердие было вознаграждено.

Посмотрим и мы с вами.

Шут-терапия невротических расстройств: врачи рекомендуют

«Согласно последним исследованиям проф. И.А. Крупнотравчатого, завкафедрой психиатрии и нервных болезней УФХ, во время шутовой терапии социальных фобий, а также тревожных и панических расстройств мы можем наблюдать комбинацию психологических методов лечения, таких, как метод релаксации, психологическое управление паническим состоянием, когнитивно-бихевиоральная терапия и экспозиционная психотерапия. Один и тот же квалифицированный шут при правильном подборе и регулярном употреблении способен положительно влиять на следующие виды эндогенной депрессии, в зависимости от доминирования тех или иных расстройств: тоскливая, тревожная, анестетическая, заторможенная, адинамическая, дисфорическая и т. д. Положительный эффект общения с шутом в сравнении с лекарственной терапией обсессивно-компульсивного расстройства и посттравматического стрессового расстройства (сравнительные опыты проводились с трициклическими антидепрессантами типа дезипрамина, преимущественно ингибирующего обратный захват норадреналина) не вызывает сомнений. При этом полностью отсутствуют побочные эффекты, в случае с лекарствами обусловленные холинолитическим эффектом воздействия на вегетативную нервную систему.

Тесный контакт с шутом способствует облегчению проявлений тревоги, положительно влияет на лечение шизоаффективного психоза, ликвидируя устойчивую бредовую фабулу и полностью снимая манифестные приступы. В связи с возможным седативным действием шут-терапии следует увеличить дозу общения перед сном для улучшения засыпания и облегчения утомляемости, испытываемых многими людьми с тревогой и депрессией.

Клиникой психологической адаптации было замечено, что влияние шутов на невроты пациентов, сопровождаемые многообразными психоэмоциональными, соматическими и поведенческими симптомами...»

– Значит, это серьезно? – Галина Борисовна отложила брошюру, единым движеньем произвольно вправляя веку сустав и восстанавливая обыденность, данную ей в ощущениях. – Лешенька, получается...

– Получается, – кивнул Бескаравайнер. По его лицу, вытянутому, как у члена палаты лордов, и задумчивому, как у опоссума лапундер, было ясно видно: да, получается, и вполне серьезно. Такое уж лицо было у сенс-психоанальгетика: многозначительное. Некоторые впечатлительные дамочки оплачивали сеанс за сеансом, лишь желая снова взглянуть на эти черты, припасть к вечности и до конца сезона почтить на лаврах.

Но Шаповал по праву считалась железной леди. О чем свидетельствовал второй ее вопрос:

– И это законно?

– Вполне.

– Но ведь они люди?

– Шуты?

– Да! Живые люди, и вдруг – на поводке, на четвереньках, в ошейнике...

Догадливый Бескаравайнер подмигнул гостье, комично дернув набрякшим веком:

– Уже видела, да? Ужаснулась? Преисполнилась гражданским гневом?! Полно, Галюнчик! Все путем, все по закону. Частичная консервация прав согласно 13-му протоколу к Римской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кажется, март 2001-го. Плюс обоюдное согласие работника и работодателя, особые пункты контракта... Спроси у юриста, он тебе изложит яснее. Кроме того, вовсе не обязательно в ошейнике и на карачках. Один заказчик, теща комплексы, возьмет уродца-горбуна и нарядит в обезьяний сарафанчик, другой же предпочтет лощеного денди во френче, способного повязать галстук тридцатью тремя способами. И будет ржать с утра до ночи, глядя, как денди в сотый раз вывязывает узел Christensen. Каждому – свой шут.

– А вдруг Настя выберет в тельняшке? Вульгарного?!

– Возможно, но вряд ли. – Леша картинно развел руками. – Подбор шута индивидуален. Сопровождается серией тестов: на совместимость, на скрытые фобии, подавленные желания, еще черт его знает на что... Тонкие материи, Галюнчик! Даже анализы берут: кровь, моча. Я было копнул, да обломался: у них, в «Шутихе», коммерческие тайны – зашибись! Помалкивают. Но маловероятно, что тесты твоей Насти совпадут с тестами... Кого ты там видела?

– Вована. Это наш сосед. Он шута на поводке возле дома...

– Ну, ты загнула! Настя и какой-то Вован. Выберет себе девочка приличного шутика, милого, бойкого, с бубенчиком, станет с ним тетешкаться, забудет грусть-тоску. Все лучше, чем хандрить после развода. А мама заплатит. Ты ведь заплатишь, Галюнчик?

Игривая подначка ушла «в молоко». Поправив прическу (так офицеры застегивают верхний крючок кителя перед «русской рулеткой»), Шаповал встала и направилась к двери.

– Счастливо, Леша. Ты мне очень помог. Зайди завтра в офис на Черноглазовой: визитки будут готовы. Как ты заказывал, цветные, двусторонние, на русском и санскрите. С твоим фото.

– Которое с аурой? – переспросил дотошный Бескаравайнер.

– Да, с аурой. Все, люблю-целую.

Последняя реплика вырвалась автоматически. Но умница Лешка все понял правильно. Такая у него была работа: правильно понимать. Редкий, если задуматься, талант.

Фольклорное отступление

«...Стал злой отчим считать товар, да недосчитался ящика с пряниками. Заругался на Ивашку: «Ах ты, негодяй, шут тебя побери!» И только успел сказать, как в лесу зашумело, затрещало, и выехал к ним седой могучий старец на огромном коне. Захохотал, будто гром грянул, бросил отчиму ящик с пряниками:

– Держи! А пасынка твоего, как ты и пожелал, я себе заберу!

Подхватил Ивашку и был таков. Долго мчались, наконец прибыли в логово шута. «Вот ключи, – говорит шут, – распорядься. А в ту дверь, что мохом поросла, не заглядывай: расквасишься!» На другой день шут опять отправился творить свои недобрые дела...»

Теперь ты понял, о читатель, с кем дело имеешь?

Искренне Твои Третьи Лица.

* * *

– Але! Мама? Это я, Настя! Мама, нам сегодня назначено в «Шутиху»!

– Нам?!

– Ага! Я буду ждать тебя на углу Патриотизма и Гороховой!

– Погоди... Почему нам?

– Ну, мама, вечно ты! Я у них вчера была. Бланк-заказ оформляла. Они сказали: сегодня прийти с кем-то из родителей. Не с папой же мне идти! Они его увидят, скажут: зачем вам, деточка, еще один...

– При чем тут родители?

– Откуда я знаю? Может, генотип проверить?

– Настя, я сегодня занята...

– Ты всегда занята. Ты и меня на бегу родила! Мама, я записалась на вечер, на 20.30. Они для деловых людей сделали вечерние часы приема. Все ради блага клиента! Так я жду?

– Я еще не... Настя! Настя!

«Связь с абонентом прервана. Связь с абонентом...»

Минутой позже пришло краткое текстовое сообщение: «Люблю-целую».

Как ни странно, весь остаток дня прошел крайне удачно. Ничто не валилось из рук, конкуренты были рассеянны, доброжелатели косноязычны, дилеры неутомимы, а заказчики покладисты. Словно ангел, устав кружить в облаках, присел на левое плечо, потянулся, скрипнул рожками и подмигнул на манер Вована: лови, подруга! Пользуйся! Тем хуже, тем чернее были предчувствия: если днем так безбожно везет, значит, вечером, в этой треклятой «Шутихе», где все ради клиента...

Верный Мирон, тонким нервом уловив беспокойство госпожи, ездил аккуратно, осторожно и даже на улицах с односторонним движением гнал котика в нужном направлении.

Вежливо шаркнули тормоза.

Приехали.

На вышеупомянутом углу, в месте встречи, которое, как известно, изменить хочется, но нельзя, располагался стоматологический кабинет «Фас». Над входом, оформлена в виде вывески, для привлечения клиентов красовалась обалденная улыбка – «косая сажень в челюстях»! – в которой каждую ночь, с упорством, достойным лучшего применения, некто остроумный или просто трудолюбивый закрашивал черным оба клыка и левый глазной зуб. И каждое утро медсестра Анечка в мини-халатике, с упорством много большего калибра, взбиралась на стремянку и, доставляя удовольствие проходящим внизу студентам Юридической академии им. Ярослава Мудрого, при помощи белил, а также кисти боролась с подлечом-кариесом. Завсегдатаи расположенного напротив бистро «Чудо-Картошечка» бились об заклад: кто победит? Тайный вредитель или Анечкино усердие? Порок или добродетель?! Но стань улыбка навсегда щербатой или навеки сверкающей – из пейзажа ушла бы тайна, а значит, и очарование.

А на кого бы поставил ты, о читатель?

Впрочем, вернемся к нашим баранам.

В 20.15 они подобрали Настю. Сраженная насмерть небывалой пунктуальностью дочери, Галина Борисовна окончательно уверилась в дурном исходе дела, которое и делом-то можно было назвать, лишь нацепив сперва колпак с ослиными ушами. Велев Мирону ждать на стоянке, женщины пошли считать дома на Гороховой. Это Шаповал настояла на кратком пешем моционе, желая слегка проветриться перед общением с персоналом «Шутихи». Заведение представлялось ей гигантским балаганом-шапито, где усатые зазывалы хватают прохожих за

полы одежды, суля потеху. Тем сильнее оказалось удивление, когда, углубившись в крохотный тенистый скверик, заросший стриженными под англичан кустами, они вышли к предмету своих поисков.

Изящные вензеля решетки – художественное литье из чугуна! – свидетельствовали скорее о хорошем вкусе владельцев, нежели о стремлении оградить частную собственность от незаконного вторжения. По обе стороны ворот дремали каменные львы, всерьез задумавшись: что же здесь все-таки делают они, символы надменной и чопорной Владычицы Морей? Муниципальная стандарт-табличка «Ул. Гороховая, 13» под ляжкой правого льва выглядела пошлым анахронизмом.

Ворота оказались заперты. «Ага, ждали нас! Все глаза проплакали!» – со злорадным облегчением успела подумать гостья, чувствуя, как распавшаяся было связь времен начинает восстанавливаться, но ошиблась. Едва слышно скрипнула калитка. Скрип оказался на диво мелодичен, словно юная гимназистка открыла музыкальную шкатулку.

– Вас ждут, леди. Прошу.

Привратник в мышастом сюртуке и белых нитяных перчатках с достоинством поклонился, сверкнув гербом над козырьком фуражки.

Длинная сумрачная аллея, начинаясь сразу за воротами, вела к трехэтажному особняку в позднем викторианском стиле. Прошу заметить, леди и джентльмены, именно в позднем! Ибо царила тут не помпезная эклектика раннего викторианства. Отнюдь! Скорее сей стиль был ближе к «неоготике» или «Нео-Тюдору», как именуют подобную манеру сами британцы. Монументальную мрачность классической готики весьма оживляли избегающие к парадной двери широкие ступени из цветного мрамора, обрамленные у входа легкими колоннами. Крытый балкон, опоясывающий почти весь второй этаж, пара ажурных башенок, растущих из черепичной крыши, багровой, словно кровавое пятно в свете заката, – все это придавало громаде особняка некий тайный шарм. Темный парк, обступая аллею, терялся в вечерних сумерках, и невозможно было определить, сколь далеко он простирается. Озираясь, мы судорожно пытались вспомнить, кому принадлежит цитата, всплывшая из пучин подсознания: «Для тех, кто хорошо знаком с пятым измерением...» Шаги гулко отдавались под кронами старых вязов, сомкнувших над головами пришелиц узловатые ветви, и дамы невольно шли на цыпочках, стараясь не будить местное эхо, пока оно тихо. Когда подковка на каблучке предательски цокнула, а в кронах ударил порыв ветра, рождая недобрый, мрачный шепот, Настышка даже охнула и вцепилась в надежную мамину руку. Однако в следующий миг вдоль всей аллеи словно по волшебству вспыхнули фонари. Живой, охристо-маслянистый свет в тычки погнал глупые страхи прочь, за грань иллюзии. И приободрившиеся дамы уверенно поднялись по ступеням к высокой двери с ручкой, отлитой из черной бронзы, и дубовым молотком на цепи. Фонарь над входом был газовый. Настоящий. Язычок живого пламени, желтый с голубоватым жалом, трепетал внутри граненого стеклянного колпака в оправе из чугуна. Сколько же пришлось заплатить пожарной инспекции, чтобы добиться разрешения?! И вдоль аллеи фонари, оказывается, газовые. Зато юркая телекамера над входом выбивалась из стиля, как холодильник «Атлант» перед Букингемским дворцом.

Или она тоже на газе работает?

Пока мать предавалась размышлениям, бойкая Настя, не утруждая себя мыслительным процессом, трижды приложила молотком к двери. Щелчок, и створки начали медленно раскрываться. В плавном ходе, с каким дверь являла гостям свою толщину, было что-то от выхода Голиафа на поле боя. Это впечатляло. Потрясало. Вызывало благоговение и толкало к идее преходящести всего на свете – кроме Ее Величества Двери. «Бронеплита. Плюс дубовый шпон», – трудно было вернуть себе ясность мысли, понимая, что для приведения в движение бронеплиты такого размера («Три фута два дюйма», – прикинули мы на глаз толщину) требуется как минимум танковый двигатель. А для совершенного беззвучия...

Наконец дверь распахнулась, и глазам предстало объемистое чрево «Шутихи»; кстати, таблички с названием фирмы нигде не обнаружилось. Просторный холл освещался двумя газовыми рожками; ясеневая лестница с резными перилами и балясинами, похожими на огромные кегли работы Лейтона Стреттона, вела на второй этаж. Внизу же, в холле, у дальней его стены, имелся стеганный диван бежевого цвета и три высоких кресла со спинками столь прямыми и строгими, что они наводили на мысли о боннах из Ливерпуля. Проходя внутрь, Шаповал не удержалась: исподтишка колупнула торец двери острым наманикюренным ноготком. Святой Патрик! Дверь была сплошной. Натуральный мореный дуб при полном отсутствии шпона, бронеплит или пошлого пластика! А еще стала заметна хитрая механика старинного замка: пожалуй, нынешним взломщикам, привыкшим к электронике-автоматике, подобный ветеран битвы при Ватерлоо вполне мог оказаться не по зубам.

Из-за конторки навстречу дамам поспешил встать набриолиненный клерк. В строгом рединготе, обложенном по швам шнурами, он напоминал кузнечика в трауре.

– Сэр Мортимер ожидает вас, леди. Я провожу. Прошу за мной.

Лестница. Под ногами – дорожка цвета песка с темно-зеленой окантовкой, аккуратно прихваченная к ступеням надраенными, как на фрегате флота Ее Величества, планками из меди. Неброская драпировка стен: сычуаньский шелк. А потом перед дамами распахнулась курительная комната. Под стеклом в витринах вдоль стены – коробки с сигарами, коллекция трубок и инкрустированных перламутром мундштуков, жестянки с трубочным табаком. Столики с пепельницами, приземистые кресла, похожие на лоснящихся, раздувшихся от важности жаб. На стене – потемневшая от времени картина. Или это света рожков не хватает? Известный художник был превосходным бытописателем: четверка благообразных джентльменов играет в покер, дымя сигарами. У игрока, сидящего на переднем плане спиной к зрителю, на руках – тузовый покер: четыре туза и джокер.

Джокер.

Шут.

Галина Борисовна пристальней взгляделась в карту, и ей вдруг показалось, что губы нарисованного на атласе шута растянулись в улыбке. Джокер заговорщицки подмигнул даме, скорчил потешную рожу – и вновь застыл, притворяясь неживым. Рисунком. Милым пустячком...

Шаповал тряхнула головой, отгоняя дурацкое наваждение, и проследовала далее за клерком-проводятым. Анастасия, как послушная барышня, шла на шаг позади матери, не отставая и не пытаясь вырваться вперед. По сторонам дочь глазела умеренно, соблюдая приличия. Похоже, обычная ее взбалмошность приглушилась обстановкой. Они миновали пустой и гулкий зал для приемов, где пламя множества свечей, горевших в канделябрах, полыхало прямо под ногами, отражаясь в зеркале натертого воском пола из наборного паркета. Голова кружилась от всех этих портьер, шпалер, гобеленов и антикварной мебели; однако на выставку или музей особняк не походил. Здесь крылась своя, вполне функциональная закономерность; здесь работали – возможно, даже жили – серьезные люди с оригинальным, но безупречным вкусом. Постепенно рождалось уважение к фирме, способной так обставить и содержать большой дом; вероятно, настрой клиента на правильный лад и был основной целью экскурсии.

– Будьте любезны обождать. Я доложу сэру Мортимеру.

Напольные часы с маятником, темная свеча в корпусе эбенового дерева, издавали вкрадчивое «тик-так», словно намекая на известную только им тайну. Но чем дальше от часов, тем более холл вращался в современность: из сумрака проступали кофейного цвета обои, тесня шелк драпировок, на смену газовым рожкам явились электрические «ракушки». Напротив картины, изображавшей бал, где меж дам и кавалеров сновали юркие арлекины, красовался шедевр неизвестного поставангардиста: дикое смешенье красок. Связь времен медленно, но верно срасталась заново, концентрируясь на офисной двери, точнее, на круглой ручке из белого пластика.

Подойдя к журнальному столику, Галина Борисовна взяла один проспект из стопки глянце-вых реклам.

Памятка для клиента

Вам следует помнить, что, согласно поправке БМ-21ПД, принятой 16 мая 20__ г. к Конституции (гл. 2, ст. 17, п. 2), о «временной отчуждаемости прав и свобод»,¹ приобретаемый вами шут во время исполнения им своих обязанностей лишен права:

- пересекать государственную границу;
- давать показания на допросе и свидетельствовать в суде;
- иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как еди-лично, так и совместно с другими лицами;
- участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;
- избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного само-управления, а также участвовать в референдуме;
- на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени;
- на самоопределение национальной и расовой принадлежности;
- нести военную службу в соответствии с федеральным законом.

Деловой тон памятки не оставлял сомнений: здешние учредители весьма предусматри-тельны.

– Сэр Мортимер ждет вас. Прошу.

* * *

В кабинете было на удивление прохладно.

А сэр Мортимер оказался приятен и доступен, вопреки замогильному имени. «Здрав-ствуйте, Галина Борисовна! Добрый вечер, Анастасия Игоревна! Вы сама пунктуальность! Присаживайтесь, не стесняйтесь...» Бифокальные очки в тонкой оправе, рубашка под цвет стен, светлый беж; безрукавка грубой вязки, из-под которой выглядывает галстук, мягкие брюки из фланели... Домашний, уютный, очень располагающий к себе человек. Разве что лицо сильно мятое, подвижное, словно у резиновой маски орангутана, – такие лица бывают у кло-унов, в силу профессии злоупотреблявших резким гримом. Это мы вам говорим как Лица Третьи, весьма осведомленные, а если вы полагаете, что подобный изъян встречается еще и у алкоголиков, то взгляните и разочаруйтесь!

– Разрешите представиться: Заоградин Мортимер Анисимович. Генеральный менеджер ЧП «Шутиха».

О подобной должности – «генеральный менеджер» – Шаповал слышала впервые.

Господин Заоградин развел руками, словно разделяя сомнения гостыи:

– Я понимаю вас, уважаемая Галина Борисовна. Но замечу, что решение вашей дочери я всячески приветствую. Не только как сотрудник «Шутихи», заинтересованный в увеличении числа клиентов, но и как человек, имеющий своих детей. Поверьте, шут для Анастасии Иго-режны в сложившейся психологической ситуации – наилучший выбор. Надеюсь, вы не возра-жаете, если юная леди прямо сейчас пройдет ряд сопутствующих тестов? Назовем это предва-рительным собеседованием. Совершенно бесплатно, и никого ни к чему не обязывает.

¹ Свобода мысли и слова, а также свобода всех видов творчества сохраняется за шутком в полном объеме.

«Обрабатывает, – сработал в мозгу привычный зуммер. – Окучивает гладко и умело».

– Вы случайно не объясните мне, что означает «генеральный менеджер»?

– Если угодно, это означает: «зазывала с правом подписи».

В сторонке тихо хихикнула Настя.

– То есть контракт подписываете вы?

– Да. И несую всю необходимую ответственность.

Неожиданно для себя Шаповал обнаружила, что кивает в ответ, как если бы выяснила действительно важные нюансы. Тут же, словно кивок привел в действие скрытый механизм, в дальней стене кабинета открылась маленькая дверца, и оттуда возник колобок в очках. Если бы требовалась кандидатура внуколюбивой бабушки для рекламы огнеупорных памперсов «No Passaran», о лучшем выборе не стоило и мечтать.

– Алевтина Бенциановна, наш лучший психолог. Прошу любить и смело жаловаться на все, что беспокоит.

Вместо приветствия Алевтина Бенциановна внимательно уставилась на Настьку, словно оценивая, чего от нее ждать, – и вдруг щелчком большого пальца лихо отправила через весь кабинет розовую пулю. Настька поймала пулю на лету, обнюхала и сунула в рот.

– «Фрутелла». Клубника, – не очень внятно, но вполне удовлетворенно сообщила юная леди.

– Реакция нормальная, – радостно облизываясь, констатировала лучший психолог. – Пойдем, деточка. Тесты тебе понравятся, вот увидишь.

И «деточка» безропотно проследовала за колобком.

На миг Галина Борисовна представила себе эти тесты: докторша с двух рук, «по-македонски», пуляет в Настю конфетами, вишнями, алычой, мандаринами, ананасами и арбузами – а любимая дочь все это ловит, нюхает, засовывает в рот и излагает вкусовые впечатления. Алевтина Бенциановна деловито записывает результаты в тетрадь, констатирует: «Реакция нормальная», – и берется за следующий метательный снаряд.

– Я не хотел акцентировать это при Анастасии Игоревне, – вернул ее к действительности мягкий баритон Заоградина. – Девушки в эти годы, особенно разочаровавшись в первом браке, ревниво относятся к любым ограничениям... Но вы должны знать: конечное решение остается за вами. Возможно, это даже к лучшему. «Шутиха» гарантирует положительный психотерапевтический эффект от использования шута, но, если вам что-то не понравится, вы сможете прервать действие контракта в любой момент. Как лицо-попечитель, в одностороннем порядке.

– Лицо-попечитель?

– Согласно имеющейся у нас лицензии (если желаете ознакомиться, я дам копию), а также Уставу, приобретать шутов во временное пользование имеют право только лица, достигшие полного совершеннолетия. То есть в возрасте не младше двадцати одного года. Я знаю, у Анастасии необходимый возраст наступит через полтора месяца, и можно было бы дождаться этого срока, заключив прямой контракт. Однако дорога ложка к обеду. Да и девочка, сами знаете, настаивает. Лицензия и Устав разрешают нам предоставлять шутов лицам, достигшим восемнадцати лет, при условии письменного согласия родителей, выступающих в качестве попечителей. В подобных случаях контракт заключается на имя попечителя, с соответствующей оговоркой об использовании шута опекаемым лицом.

– То есть без моего согласия вы откажете Анастасии в найме шута? – Шаповал внезапно ощутила себя рычагом, с помощью которого Архимед собирался поворачивать мир.

– Совершенно верно. Но рекомендую не спешить с принятием решения. Если вы не дадите согласия, Анастасия Игоревна озлобится, выждет до дня рождения, снова придет к нам... Да, я понимаю, финансировать наем шута все равно будете вы. Но семейные скандалы, конфликты... Согласитесь, ваша дочь умеет просить так, что ей трудно отказать. Отложим, да? Пусть девочка пройдет тесты, наши сотрудники сделают выводы, начнут предварительный

отбор. Повторяю: это бесплатно. И займет не один день, так что у нас с вами есть время. Вот, полистайте пока альбомчик...

Альбом производил впечатление.

Уж кто-кто, а Шаповал была в курсе, что такой скромный альбомчик «Made in Italy», в тисненой коже «под старину», с костяной пластинкой на обложке, где резчиком был скопирован «Пир в доме Левия» Веронезе, и скобами из темной бронзы по углам стоит уровень с хорошим жидкокристаллическим монитором. На первой странице, снят в полупрофиль, торчал раскорякой урод-карла с торсом гиганта и кривыми, как у бабушкиного комода, ножками. Лицом карла напоминал английского бульдога; впрочем, телосложением он напоминал «бычьего пса» еще больше. Услышав за спиной деликатное покашливание, в котором явственно слышалось: «На вкус, знаете ли, и на цвет...» – Галина Борисовна подавила желание сразу же запустить альбомом в окно и продолжила осмотр. На следующей фотографии был изображен вполне приличный молодой человек, в отличие от предыдущего карлы. В костюме, при галстучке. Правда, при внимательном изучении обнаруживалась в лице молодого человека некая бесовщинка, наводящая на мысли. И вдруг становилось ясно, что золотой «Parker» в нагрудном кармане пиджака оформлен под эрегированный фаллос, вышивка на галстучке изображает змею, кусающую отнюдь не собственный хвост, а пуговицы на рубашке молодого человека – никакой не обман зрения, а на самом деле выглядят, как...

– Многих развлекает, – деловито заметил Мортимер. – Вы даже не поверите, насколько многих. Смотрите дальше, там широкий выбор. Ассортимент каждую неделю обновляется.

Лилипут со старческим личиком. Рыжий клоун в парике. Типичный бухгалтер 60-х: нарукavianки, треснувшая оправа очков схвачена изолентой. Атлет с глазами испорченного ребенка. Развязная девица прогнулась в «мостике».

– Сексуальные услуги исключены. Здесь не бордель. У нас с этим строго. Надеюсь, вы понимаете...

– Да-да, я понимаю.

Ничего она не понимала. Ничего. Паяц в трико. Здоровенный мужик в армяке и валенках. Шут à la classik: колпак, бубенцы. Бард с гитарой, в драной джинсе. Ухмыляется кто-то, не пойми кто: бейсболка с ослиными ушами, розовые лосины, в паху – чудовищных размеров гульфик. Типичная ведьма: излом бледной руки, сигарета в длиннейшем мундштуке вплетает сизые пряди в аспидно-черный каракуль волос. Натуральный дебил. Профессор в пенсне. Подряд еще два карлы и один горбун. Красавец-мачо зашит в облегающую парчу. Пухленькая барышня-простушка в ситчике.

– Вы думаете, это смешно?

– Я не думаю. Я знаю. В случае чего за клиентом всегда сохраняется право расторжения договора. Возврат остатка денег, за исключением 10 %-ной компенсации, и мы свободны от взаимных обязательств.

– У вас был такой... – Вспомнился Вован с его «собакой». – Ну, такой!.. в камуфляже, крепкий... Я его у своего соседа видела.

– Извините. Мы не даем сведений личного характера о шутах, приобретенных другими заказчиками. Спросите у соседа: он расскажет вам все, что сочтет нужным. Кстати, Николай Афиногенович отзывался о вас наилучшим образом.

Шаповал не знала, кого имеет в виду Заоградин.

– А что, собственно, вас заинтересовало? Хотите выбрать аналогичный типаж?

– Н-нет... я просто...

Машинально она вновь открыла первую страницу, с карлой-бульдогом.

– Английский бульдог – очень умная, сообразительная собака. – В ровном голосе Мортимера, явно цитирующего какой-то справочник, отчетливо проскользнула ирония. – Любит детей, хороший друг и великолепный компаньон. Я угадал вашу ассоциацию?

Галина Борисовна улыбнулась и быстро пожалела об этом, потому что собеседник добавил:

– Вот видите, вы уже улыбаетесь. Почему же вы тогда отрицаете за другими право улыбаться, смеяться или даже хохотать, общаясь с Цицероном?

– С кем?!

Вместо ответа Заоградин указал на карлика:

– Между прочим, один из фаворитов. Опытнейший работник, идет нарасхват. Как говорится, «Beautiful in it's ugliness»; иначе «Очарование безобразия». Случайного человека не размещают в самом начале рекламы, уж вы-то должны знать. Хотя, смею заметить, у нас не бывает случайных людей.

– А где вы подбираете кадры? В цирке? В театре?

– Профессиональная тайна. Смею вас заверить, научить шутовству нельзя. Хорошим шутком надо родиться. Масса людей прозябает в конторах и офисах, больницах и институтах, не сумев осознать своего призвания. Стесняясь его. Боясь позора. Кто-то однажды сказал им: «Прекрати паясничать!» – испортил жизнь навсегда. Теперь они видят позор там, где его нет, и не видят там, где позор подносится им на блюде, как хлеб-соль. А ведь могли бы... Увы. Вот из вас никогда не получится настоящей шутихи. Обиделись? Зря. Обратите внимание: вы сначала обиделись, а только потом сообразили, что, с точки зрения здравого смысла, я сказал вам комплимент.

Он был прав. Вспыхнувшая обида не имела под собой никаких оснований, рассеявшись еще быстрее, чем возникла, но осталось странное эхо. Отзвук, отголосок обиды. Никогда не получится. Вот ключевые слова. Настоящей. Ключевое слово второго порядка. Шутихи. И в слове последнем, остаточном, больше нет стыда. Напротив, оно звучит едва ли не заманчиво. Что ты здесь делаешь, дура? С этим альбомом, с этим вежливым, умным, деликатным господином Заоградиным?!

Ах да.

Подбираешь шуты для Настьки.

Господи, вразуми!

– Кстати, о Паоло Веронезе. – Мортимер взял альбом из рук Шаповал и стал разглядывать работу резчика. – О нем говорили, что он принес дух венецианского карнавала в картины на библейские темы. И суровые отцы-инквизиторы выспрашивали художника, почему на картинах вокруг Христа и апостолов изображены «шуты, пьяные немцы, карлики и другие нелепости». Знаете, что ответил им дерзкий Паоло? Ничего. Он смеялся.

– Откуда вы это знаете?

Заоградин прищурился, взвешивая альбом на ладони:

– Что именно? Что он смеялся, а не каялся? Знаю, Галина Борисовна. Знаю.

За окном, жаркий и пьяный, качался июльский бродяга-дождь.

Глава четвертая «Жизнь, если верить слухам, продолжается...»

Едва рассвет окрасил помойки окраины в нежно-розовые тона парной телятины, как центрифуга трудового подвига завертелась волчком.

Дверь, детище охран-концерта «Metal Storm», выстреливала клиентов трескучими очередями, телефон схватил тепловой удар и начал опасно бредить, модем на пределе сил фильтровал базар, исторгая недопереваренные, дурно пахнущие письма; бухгалтерия учинила половецкие пляски на костях аудиторов, и временами палата дурдома «Ладушки» казалась тихой обителью счастья. Едва удалось одержать нелегкую победу в битве за урожай, собрав «зеленя» и полоснув конкурента-вредителя серпом по заказам, как в кабинет ввалились Первопечатник Федоров с «типа, графом» Рваное Очко. Отчаянно бранясь на эсперанто, они вырывали друг у друга из рук многострадальный листок бумаги, измаранный краской гуще, чем щеки сорванца – краденным из буфета вареньем. Визит предвещал локальный Армагеддон, но мы, как честные Третьи Лица, в конфликте не участвующие, обязаны дать разъяснения.

Надо сказать, что коллектив в главной типографии подобрался уникальный, можно сказать, экзотический. Как этот «философский бульон» ухитрился булькать в нужном направлении, оставалось тайной из тех тайн, которые тщился разгадать еще Молла Ибрагим Халил, алхимик из Калдака. Мы же лженауками не балуемся, а значит, сразу бесцеремонно перейдем на личности.

Итак.

Иван Федоров, ветеран. Дезертировав из «оборонки», где был конструктором многоствольных мортир, сделал карьеру в «Фефеле», от печатного станка возвысился до завпроизводством. На этом посту сменил излишне остроумного предшественника, автора исторического афоризма: «Сроки существуют, чтобы их нарушать». Мужчина изрядный, степенный, со всех сторон одинаково положительный, то есть круглый. Никогда не похмеляется, полагая, что организм следует держать в ежовых рукавицах. Особые приметы: пышные седые усы намертво срослись с рыжими бакенбардами. Рваное же Очко, в миру – Аристарх Геродотович Нескромный, ранее выпускал партийную газету «Уездный набат», печатая сотысячный тираж на лино-типе, собранном вручную из швейной машинки «Зингер», телевизора «Рубин» и горбатого «Запорожца», пока не разочаровался в левой идеологии и не был подобран Шаповал, оценившей талант Нескромного по достоинству. Вертлявый, шустрый, въедливый, как жук шашель в ржавой вобле, своим неблагозвучным прозвищем он был обязан отнюдь не тому, о чем вы сейчас подумали, а излишней добросовестности. Есть в русском алфавите такие буквы: «б», «р», «е», «д», «о», «в», «ы», «я», с дырочками-пустотами внутри. Вот эти дырочки, на жаргоне полиграфистов, «очком» и называют. А «рваным» оно бывает, если макет с дрянным разрешением выведут или станок взбрыкнет – внутренность «очка» выходит с зубчиками, зазубринами и заусенцами, как ногти хиппующего оболтуса. Оно, конечно, «за третий сорт, для сельской местности» сойдет, да только у Геродотыча душа кипит. Всегда брак заметит: и легким глазом, и в очках, и через лупу, и другими противоестественными способами.

Первопечатник Федоров за план радеет. Ему заказ вовремя сдать надо. А тут Нескромный слюной весь цех заплелал: «Очко! Очко рваное! Нет, ты глянь, Ваня, ты только глянь!..»

Так и огреб кличку.

И вот стоят перед строгой барыней два титана, два атланта. Разреши, мол, матушка, наш спор. Количество или качество? План или пропал?!

Вздохнула матушка. Отобрала у антагонистов предмет разногласий, пока не разорвали пополам.

Изучила с тщанием.

- Когда должно быть готово?
- Вчера, – отрезал Первопечатник Федоров, лязгнув гильотиной челюстей.
- А точнее?
- Вчера, говорю. В крайнем случае сегодня вечером.
- Сколько оттисков?
- Пять тысяч.
- Успеете. Переверстать и выкатать заново. Геродотыч, проследи. Головой ответишь.
- Сроки! Объемы! Матрена на сносях, родит с перепугу... – Федоров еще палит из мортиры-многостволки, но зря. Сурова Галина Великая. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Рваное Очко, победно вихляя тощим задом, спешит к верстальщикам.

А нам, дорогой читатель, уже до смерти успели надоесть все эти технологические нюансы. Нам они, честно говоря, до этого самого. Что, и вам? И тоже до этого?! Значит, консенсус. Двигаем от физики к лирике. Не возражаете?

Берем, к примеру, дневник Галины Борисовны. И читаем запись о дне вчерашнем. Разумеется, читать чужие дневники бессовестно, но если наша героиня сроду никакого дневника не вела, то почему бы и не прочесть?

Вооружась фантазией вместо совести.

...июля. (Так, это неинтересно... в «Шутихе» мы уже были... Ага, вот!)

...умеет расположить. Сразу видно, профессионал. Даже предгрозовое чувство тревоги – безотчетной, необъяснимой – во время разговора отступило. Конечно, умом я понимаю: пустые страхи, химеры воспаленного воображения, плоды усталости, но... За удачу всегда приходится платить. А вчерашний день был фатально, зловеще удачным. Мрачный парк, гуляющая аллея, туша особняка нависает, давит... В способности Заоградина обволакивать людей речами, успокаивать, убеждать, создавая иллюзию безопасности и комфорта, есть что-то мистическое, иррациональное. Как и в моих страхах. Что уж говорить о Насте с ее депрессией и подавленным душевным состоянием? Разумеется, я тоже виновата в мытарствах девочки, и, наверное, именно комплекс вины вкупе с бархатной настойчивостью Мортимера Анисимовича не позволил сразу ответить отказом. Контракт по-прежнему не подписан, тесты – пустая формальность, и тем не менее...

Лампа под зеленым абажуром мигает, по комнате бегут тени, кто-то скребется в оконное стекло: ветер? Ветка старого граба? Может быть. Я хочу верить лживым заверениям будней, но боюсь взглянуть в окно: затылок и шея скованы ледящим холодом! Нельзя смотреть, нельзя! Хорошо, я буду смиренно сидеть на диване, скрипя пером в свете лампы, судорожно держащемся, словно... (далее вымарано).

...Конечно, я обязана помочь дочери, но – способ?! Извращенный, невозможный, притягательный, манящий... Шут?! Персональный дурак, живая, ухмыляющаяся тень, которая явится из стен жуткого особняка, чтобы следовать за Анастасией по пятам, ловя каждое ее слово, каждый жест, каждый вздох?! Могу ли я это допустить? И смогу ли НЕ допустить, если понадобится? Когда мы вышли из кабинета (оказывается, там была еще третья дверь, и я не уверена в отсутствии четвертой, тайной; зачем ему столько? запасные пути отступления?) – то оказались на совершенно другой, темной и пугающей лестнице, ведущей вниз. Мне подумалось, что здесь очень легко оступиться, упасть, удариться головой, и я велела дочери крепко держаться за перила. Она смотрела на меня непонимающе: глаза ее горели, девочка была возбуждена, – и это от каких-то простых тестов? От собеседования?!

Рассказывать, в чем заключались «тесты», Анастасия отказалась. Ушла от ответа. Почему она не хочет поделиться с родной матерью? Почему?!

Кстати, Заоградин сообщил, что тесты займут три дня. Но если я дам согласие на расширенную, недельную программу, то могу рассчитывать на десятипроцентную скидку при оплате

контракта. Я деловая женщина, знающая толк в системе скидок, но подобное предложение показалось мне по меньшей мере странным. Скажем иначе: подозрительным. Я сказала, что подумаю, посоветуюсь с Настей. Завтра, максимум послезавтра нам придется решать, и я в смятении. Обратиться за советом? К кому? Муж скажет: поступай как знаешь, ты у нас умница...

Мы спускались по этой ужасной лестнице, я оглянулась – и лучше бы я этого не делала! На месте двери, откуда мы вышли, теперь находилась дверь лифта с плотно сомкнутыми створками. До ушей донеслось вкрадчивое гудение, словно в недрах дома заработал скрытый механизм. Над дверью горело табло, кроваво-красные цифры с пугающей быстротой сменяли друг друга. Лифт стремительно опускался. Вдруг представилось, что сейчас кабинет Заоградина рухнет в чрево земли, в самую преисподнюю, откуда он поднялся только ради нас. Бездонная шахта ведет во тьму, и лишь далекие отсветы пламени озаряют колодец, туннель между... (далее вымарано).

...плохо помню, как мы покинули этот кошмар и оказались около машины. Мокрые ветви кустов хлестали по лицу, злорадно кропя едкой влагой, крылатые тени металась в воздухе – уследить за ними было невозможно, лишь краем глаза удавалось ловить быстрое движение на самой границе зрения, лунного света и обступавшей нас непроглядной, могильной тьмы. Дождь кончился, но едва мы выбрались за ограду (фонари погасли, будка привратника пустовала, а ворота были открыты настежь, надрывно скрипя) – полыхнула далекая, запоздалая молния, и в ее отсветах я увидела ожидавшего у машины Мирона. Его лицо... Да, конечно, всему виной необычный ракурс и проклятая молния. Но... Это было лицо мертвеца! Синюшное, с пустыми, ничего не выражающими глазами, покрытое струпьями; мягкие, словно у прокаженного, губы кривились в странной ухмылке, обнажая желтые кривые клыки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.